

Однако предлагаемое толкование в корне расходится с тем, какое выдвинуто было недавно Ману Лейманом в его книге о гомеровской лексике¹. Лейман выступил с ничем не обоснованным утверждением, будто слово *τυχτός* на Крите значило «раб», «невольник»². Правда, выдвинув свое странное толкование, Лейман сам же отказывается его понять: предлагаемое им перерождение термина, переход его семантического содержания от понятия «смертный» к понятию «раб», конечно, и для него самого остается «непостижимым». Смеем думать, что таковым же останется оно и для других. В Гортине обычными терминами, обозначавшими «невольника», служили два слова: одно более широкое, общегреческое слово *δοῦλος*, а другое более узкое *φοῖχος* для передачи понятия «домашний раб» (*φοῖχος* значит «дом»). Термин «смертный» в значении «раб» как в языке античного права, так и в обиходной речи древних греков явился бы беспрецедентным.

Учитывая огромное историческое значение гортинских законов и живой интерес к их тексту у нас, я счел важным отметить ошибочное предположение по поводу одного из специальных терминов Гортины, высказанное известным филологом, пользующимся в зарубежной науке значительным авторитетом.

Академик И. И. Толстой

„ОБИЛЬНО ОРОШАЕМЫЙ ЕГИПЕТ“ У ГОМЕРА

Стихи 14-й песни Одиссея, содержащие упоминание страны Египта и ее единственной реки, до сих пор нуждаются в уточнении их интерпретации по вопросу о том, в каком стихе имеется в виду страна Египет и в каком — одноименная со страной река Египет, получившая позднее у греков имя «Нил» (*Νεῖλος*).

В повествовании Одиссея о вымышленном им злосчастном пребывании в Египте слово *Αἴγυπτος* встречается трижды: в 246-м и в 257—258-м стихах. Относительно 246-го стиха: *Αἴγυπτόνδε με θυμός ἀνώγει ναυτίλλεσθαι* не возникает никаких сомнений в том, что под именем «Египет» разумеется страна. Переводить следует: «Мое сердце побуждало меня плыть в Египет».

Настоящая заметка вызвана неправильностью общепринятого понимания стихов 257-го и 258-го:

πεμπταῖοι δ' Αἴγυπτον εὐρρεῖτην ἰκόμεσθα,
στῆσα δ' ἐν Αἴγυπτῳ ποταμῷ νέας ἀμφιέλισσας.

Общепринятое понимание как имени *Αἴγυπτος*, так и его эпитета *εὐρρεῖτης* в 14-й песне может быть передано следующим переводом: «На пятый день мы достигли обильно (или: мощно, красиво) струящегося Египта, и я остановил округлые корабли в реке Египте»³.

¹ Manu Leumann, *Homerische Wörter*, Basel, 1950, стр. 282.

² Само собой разумеется, что Лейман принимает гортинскую форму слова не за средний, а за мужской род.

³ Ср. *Homers Odyssee*, für den Schulgebrauch erklärt von K. F. Ameis, т. 2, ч. 1, песни XIII—XVIII, Leipzig, 1898, стр. 45, примечание к стиху 246-му: *Αἴγυπτόνδε vom Lande*, 257 und 258 *vom Flusse*.

Поскольку при этом традиционном понимании в обоих стихах усматривается упоминание Египта-реки, постольку законно высказать двойное недоумение: во-первых, почему упоминание имени реки во втором из смежных стихов, т. е. в 258-м, не было заменено анафорическим местоимением (большинство переводов им и пользуется), и, во-вторых, почему поясняющее приложение *ποταμός* сопровождает это имя во втором из смежных стихов в отличие от первого. Ведь при непредубежденной оценке смысловой связи естественно считать приложение *ποταμός* средством разграничения значений, скрывающихся под двумя упоминаниями имени *Αἴγυπτος*. Если стих 257-й действительно говорит о Египте-Ниле, а не о Египте-стране, то почему слово *ποταμός* не стоит уже в этом 257-м стихе, а стоит только в стихе 258-м?

Это недоумение не только говорит само за себя, но и может быть подкреплено ссылкой на другое место той же Одиссеи, параллельное по смыслу, — песню 17-ю, стихи 426—427-й:

ὅς (Ζεύς) μ' ἄμα ληιστῆρσι πολυπλάγκτοισιν ἀνῆκεν
 Αἴγυπτόνδ' ἵεναι δολιχὴν ὁδὸν ὅφρ' ἀπολοίμην,¹
 στήσα δ' ἐν Αἴγυπτῳ ποταμῷ νέας ἀμφιελίσσας.

«(Зевс) побудил меня отправиться совместно с разбойниками в дальний путь по направлению к Египту, чтобы я погиб. И я остановил округлые корабли в реке Египте».

Здесь имя *Αἴγυπτος* также стоит в двух смежных стихах. Но едва ли допустимо сомнение в том, что первое по счету упоминание имени *Αἴγυπτος* относится к стране, в отличие от реки.

Такое неравное отношение к двум структурно сходным, а по словесному составу второго из смежных стихов и дословно совпадающим местам поэмы объясняется, повидимому, тем, что толкование стиха 14, 257-го, как содержащего слово *ἑρρεΐτης* в качестве определения имени собственного *Αἴγυπτος*, предreshалось на основании того значения слова *ἑρρεΐτης*, какое оно имеет в другом месте у Гомера, а именно в Илиаде 6,34: *ναῖε δὲ Σατυρώεντος ἑρρεΐται παρ' ὄχθας Πηδάσον αἰπεινῇ*...¹, где оно означает «обильно (или: прекрасно) струящийся», будучи там заведомо эпитетом реки. Это место, со своей стороны, не сопряжено ни с каким экзегетическим вопросом. Однако, повидимому, именно оно сыграло свою роль в неправильном толковании стиха Одиссеи 14,257-го, согласно следующему умозаключению: если эпитету *ἑρρεΐτης* свойственно значение «обильно струящийся», значит, слово *Αἴγυπτος*, которому оно служит эпитетом, должно быть наименованием реки, а не страны. Это умозаключение неправильно ориентировало филологическую мысль, так как при этом не принималась в расчет возможность семантической двойственности для имени *ἑρρεΐτης*, являющегося производным от глагола *ῥέω*. В отношении глагола *ῥέω* доподлинно известна его семантическая двойственность. О ней не следует забывать при толковании имени *ἑρρεΐτης*, в том случае, когда общепринятое понимание этого слова вызывает недоумения, связанные к тому же со словом *Αἴγυπτος*, употребляющимся, в свою очередь, в двух значениях.

Говоря о семантической двойственности глагола *ῥέω*, я, разумеется, имею в виду такую двойственность, которая существует независимо от синтаксической конструкции, но может отразиться и на ней. Вот один из тех эпитетических примеров, в которых двойственность отразилась и на конструкции:

¹ Перевод В. В. Вересаева:

У берегов обитал он струистого Сатнионта,
 В городе Педасе.

ἔνθα δ' αἶμ' οἰμωγῇ τε καὶ εὐχολῇ πέλεν ἀνδρῶν
ὀλλύντων τε καὶ ὀλλυμένων, ῥέε δ' αἵματι γαῖα.

(Илиада, 8,65)

«Вместе смешалось все — похвальба и предсмертные стоны
Тех, что губили и гибли. И кровью земля заструилась». (В. В. Вересаев.)

Это и ему подобные места Илиады говорят о том, что глагол ῥέω, кроме обычного значения «течь, струиться», наблюдаемого в тех случаях, когда обозначение жидкости является подлежащим, имел еще значение «находиться в положении того предмета, по поверхности которого жидкость течет». При этой второй конструкции подлежащим оказывается название того предмета, по которому течет жидкость. Соответственно и для имени ἑρρεΐτης, построенного на глаголе ῥέω, необходимо признать возможность такого не отмеченного лексикографией значения, которое делало бы это имя полисемической параллелью глагола ῥέω. С традиционным пониманием пришлось бы волей-неволей мириться в случае наличия каких-то неопровержимо доказательных данных в пользу того, что предполагаемое этим традиционным пониманием значение являлось единственным. Но такие данные отсутствуют. Поэтому, исходя из смыслового разбора первого из приведенных двух примеров употребления имени ἑρρεΐτης, этой двойственности его значения следует приписать права филологического факта. Выдвинутое выше возражение против традиционного понимания стихов Одиссеи 14, 257—258-го равносильно безусловному требованию замены этого понимания следующей интерпретацией: «На пятый день мы достигли обильно орошаемого Египта, и я остановил округлые корабли в реке Египте».

Для греческого словаря, и для гомеровского словаря в частности, все выше изложенное означает, что за словом ἑρρεΐτης необходимо числить впредь следующие два значения: 1) «обильно струящийся» и 2) «обильно орошаемый».

Сущность ошибки филологов до сих пор заключалась в неосознании относительно имени ἑρρεΐτης той семантической двойственности, возможность которой вытекала, согласно выше изложенному, из принадлежности второго компонента ἑρρεΐτης к тому же корню, что и глагол ῥέω. При осознании и исправлении нами здесь этой ошибки подлежали учету особенности той и другой части речи: глагола, представленного в слове ῥέω, и отглагольного имени, представленного в слове ἑρρεΐτης. Сложному имени, содержащему прилагательное εὔς, было несвойственно иметь вдобавок еще такое определение, которое было бы по своей семантической и контекстуальной показательности сопоставимо с приглагольным именным определением αἵματι т. п. В результате этого филологи не замечали, что слово ἑρρεΐτης, в свою очередь, причастно к лексико-семантической двойственности и что это можно притом показать применительно к данному месту эпоса.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Ерштинедт